

© 1995 г.

А.А. КАЛЬМАНСОН

ВОЙНА ГЛАЗАМИ СОЦИОЛОГА

КАЛЬМАНСОН Абрам Александрович — доцент кафедры гуманитарных дисциплин Московского института коммунального хозяйства и строительства, участник Великой Отечественной войны.

На Великую Отечественную войну глазами профессионального социолога и одновременно ее непосредственного участника, насколько мне известно, еще никто не смотрел. Во всяком случае такого рода литература мне не попадалась. Совершенно очевидно, что социологический анализ взаимоотношений людей на войне, ролевого участия, конфликтных ситуаций и т.п. можно проводить в рамках отраслевого направления — военной социологии, используя наработанные здесь знания и сложившийся концептуальный аппарат.

22 июня 1941 г. произошел коренной поворот в жизни нашего общества — начался отсчет нового социального времени. Существенные изменения претерпели социальная структура, система статусов и ролей, тип мотивации и социальный контроль. Изменился процесс социализации, суть которого в том, что индивид, в какую бы страту он ни входил, вписывается уже не в нормы, права и обязанности мирного времени, а в систему норм и прав воюющего народа. Все социальные институты как механизмы достижения новых ролей и статусов ориентированы на иную цель — победу. Именно это определяло характер взаимоотношения малых и больших социальных групп, место и роль индивида в социальном процессе. Очевидно, что новые роли и статусы индивида в условиях начавшейся войны не обязательно совпадают с теми, что были у него раньше.

К примеру, начальник цеха в мирное время, став командиром роты, обретает новые права и обязанности, соответствующие данному статусу.

Характерная особенность, на которую социологи не обращают внимания: такой переход в условиях военной мобилизации происходил очень быстро, опыт использования старых статусов и соответствующих им ролей в условиях войны оказался мало пригоден. Господствовавшая в предвоенные годы идеология шапкозакидательства («Красная Армия всех сильнее») препятствовала серьезной подготовке населения и генералитета к встрече с сильным (и как оказалось, на первом этапе войны превосходящим) противником, освоению военных навыков. Так вели себя все — от начальника заводского цеха до высшего руководства страны, отвечавшего за военную подготовку населения и военное строительство. Статус Наркома обороны Ворошилова, осознание им своей роли в соответствии с этим статусом, его кругозор и менталитет остались на уровне времен гражданской войны, т.е. преувеличения роли конницы в современной войне, войне машин. На XVII партсъезде Ворошилов говорил: «Необходимо прежде всего раз и навсегда покончить с вредительскими "теориями" о замене лошади машиной, об "отмирании лошади"» [1]. Очевидно, что новая военная доктрина строилась на устаревших идеологических принципах.

Но не только это. Мешал успешный опыт использования старого статуса. В гражданскую войну Ворошилов, Будённый и Тимошенко зарекомендовала себя как одаренные конармейцы. Когда их поставили командующими трех главных фронтов, старые знания они перенесли в новые условия. Однако их «военно-конный менталитет»

оказался причиной катастрофы начала войны. Тем не менее овладение новыми (военными) ролями на всех уровнях в условиях фронта, т.е. военная социализация от солдата до генерала, стратификация соподчинений от первичной микрогруппы — отделения, взвода до роты, батальона, полка и дивизии — происходили в целом хотя и трудно, но достаточно быстро и эффективно. Поле боя не давало времени на раскачку. Отбор «неудачников социализации» проводился противником скоро и жестоко — ценой жизни. К сожалению, только ко второй половине войны, когда наша армия стала сильнейшей в мире, отбор выполнил свою социальную функцию — выбил из воинских рядов наименее приспособленных. На первых же этапах действовал знаменитый принцип Лоуренса Питера: каждый начальник продвигается вверх до уровня своей некомпетентности. Убит командир роты — командование на себя берут командиры взвода, отделения, либо рядовой солдат. Готовы ли они к этому? Есть ли у них необходимые знания и выучка? Приняв новую роль, они ведут себя так, как того требует от них неожиданно доставшийся им статус. Понятно, что не всегда это проходило гладко, чаще конфликтно (особенно когда бой заканчивался).

Тот самый рядовой труженик войны, неожиданно ставший командиром роты, после боя оказывался уже как бы и не командиром, а равным другим по статусу. Все они солдаты. Так чем же он лучше? Лишь своей смелостью и отвагой, умением повести за собой других в решающую минуту? Но этого недостаточно для официального признания статуса командира роты. Таковым должны назначить. Хотя проявленных в бою качеств вполне достаточно для того, чтобы быть неформальным лидером. Но это другое. Соединение двух видов статуса не всегда происходило бесконфликтно.

Причины и пути разрешения конфликта на фронте были существенно иные, нежели в мирное время. Не подвезли боеприпасы — конфликт с тыловыми службами. Артиллерия бьет по своим — конфликт с артиллеристами. Самодур командир посылает в лоб, не проведя артподготовки, брать высоту — проклятье командиру. Притащили на передовую термосы с какой-то бурдой — конфликт с поварами. Из училища прислали молоденького и необстрелянного лейтенанта, а тот «задается», норовит поучать «стариков» — конфликт по вертикали. Перечень можно продолжать долго. Однако как бы остры ни были эти конфликты, они происходят на фоне другого глобального конфликта — войны. А это совсем иная конфликтная ситуация. Ради решения глобального тушились местные конфликты. Всех объединяло то, чего нет в мирное время, — желание разгромить врага. Главным арбитром микроконфликтов выступал противник, смертельно наказывающий за любую ошибку.

промах, просчет. Не разрешил главнокомандующий вовремя отвести войска за Днепр — потерял Киев. Не позволил вывести войска из-под Харькова — и трехтысячная армия попала в «котел». Но это, так сказать, контроль внешний, хотя, вероятно, и самый действенный. Если сравнивать стратегические и тактические операции начала и конца войны, то нельзя не увидеть существенной разницы: наличие роста полководческого и военного мастерства.

Говоря о внутренних проблемах фронта, следует обратить внимание на то, что ролевая система, соответствующая определенному военному статусу, формирует специфический тип социального контроля, который серьезно отличается от того, что был в мирное время. Допустим, у рабочего острый конфликт с начальником цеха. Ни тот, ни другой не идут на компромисс: рабочий отказывается подчиниться начальнику и уходит на другой завод. Иное на фронте. Конфликт солдата с комвзвода или офицера с вышестоящим командиром решается приказом старшего начальника. Здесь нет компромиссов и согласований. нет возможности уловиться, выполнить или не выполнить приказ. Социальный контроль, как совокупность норм и санкций, диктует жесткие меры по отношению к девиантному поведению — вплоть до военного трибунала и расстрела. Культурного релятивизма девиантного поведения, характерного для мирного времени, здесь нет. Девиантное поведение автоматически переводится в разряд делинквентного, малый проступок в разряд серьезного преступления. Крайние средства характерны и для неформального контроля: обиженный подчиненный во время боя посылает пулю в спину командиру. И хотя такие действия не были распространенными, о возможности угодить под «высшую санкцию» помнили все участники конфликта.

Отдельно нужно говорить об особенностях возрастного статуса. Возрастная гетерогенность персонала предприятия в мирное время — явление обычное: рядом у станков стоят безусый юнец и пожилой квалифицированный рабочий. На войне вроде бы все то же самое. Мне было 22, а рядом воевали «старики» лет за 40. В каждом войсковом подразделении амплитуда возрастных колебаний была высокой, что создавало немалые трудности. Достаточно представить себе молоденького лейтенанта, командующего взводом пожилых солдат, оставивших дома семью, детей, хозяйство. В мирное время подобное невозможно, но в условиях войны социальная иерархия часто оказывается перевернутой. На фронте сплошь и рядом возникает ролевая напряженность, когда одна и та же роль требует — притом в самых жестких формах — противоположных решений. Командир взвода вынужден, с одной стороны, посылать солдата на смерть, а с другой — думать о том, как его накормить горячей пищей, доставить махорку, просушить мокрые портянки.

Успешно преодолевать фронтовые конфликты помогала социальная солидарность, уровень которой в предвоенной России был необычайно высок. Он стал еще выше во время войны: общая опасность сплачивала народ. На усиление социальной солидарности действовали два фактора: «железный занавес» и репрессии. Первый изолировал нацию от других народов, заимствования иных культурных норм и идеологических стандартов. Он превращал социальную жизнь общества в гомогенное идеологическое образование. Навязываемые идеологические мифы о единстве партии и народа снижали потенциальную опасность возникновения вертикальных конфликтов в социальной иерархии. Репрессии и идеологические чистки, коснувшиеся судеб миллионов, заранее удалили из общества субъектов девиантного поведения, всех несогласных и инакомыслящих.

Правда, точно также — устранить внутреннего врага перед угрозой внешнего — действовала и гитлеровская Германия. Как бы то ни было, но одному солидарному обществу противостояло другое, не менее солидарное. Возможно, поэтому их столкновение было столь жестоким и отчаянным. Покоряя страны Западной Европы, в частности, Францию, Германия сталкивалась с совершенно иным типом общества. Можно утверждать, что сталинский тип социальной солидарности — это феномен экстремального времени. Послевоенная Россия, особенно нынешняя, опять столкнувшись с военными конфликтами, уже не обладает столь высоким уровнем солидарности. Ее не может и не должно быть в мирном обществе, обществе, не преследующем внутренних врагов, обществе, живущем и в мирное время по законам военного времени. Как знать, не будь сталинский режим таким, каким он был, выдержала бы наша страна военное столкновение с фашистской Германией или нет. Говоря о социальной солидарности всего народа в период Великой Отечественной, я часто слышу возражения: а приказ Сталина № 227, а штрафбаты и истребительные батальоны? Как это согласуется с утверждением о подлинной социальной солидарности всего народа? Не надо думать о социальной солидарности народа в пасторальных тонах. На войне были и противоречия, и конфликты. Были они и внутри фронтовых подразделений, и в тыловых коллективах. Но все они проходили на втором и третьем плане, а на первом было главное, что объединяло нас — стремление остановить и победить врага. Жесткие меры в условиях войны были необходимы и сыграли свою роль, хотя режим и здесь оставался антинародным.

Он наплевательски относился и к живым, и к погибшим. Полвека спустя все еще находят тысячи незахороненных солдат и безвестные могилы. Вовсе не случайно победа вначале приписывалась «гению генералиссимуса», а День Победы в 1947 г. был объявлен рабочим днем. Не случайно уцелевшие герои Брестской крепости этапом проследовали из плена в отечественные концлагеря. Не случайно миллионы пленных солдат и офицеров тем самым генералиссимусом объявлены изменниками. Поэт И. Бродский однажды заметил: наши солдаты смело входили в чужие столицы и со страхом возвращались в свою.

Социальная солидарность базировалась, скорее, на традиционно-исторических, народных корнях, нежели на идеологических и партийных. Призывая к всенародной борьбе, Сталин 7 ноября 1941 г. обращался к образу великих предков — Александру Невскому, Дмитрию Донскому, Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому, Александру Суворову и Михаилу Кутузову, а не к доблестным полководцам гражданской войны — Фрунзе, Чапаеву или Котовскому. Видимо, и он понимал, что на коммунистической основе, как это ни парадоксально, социальной солидарности в социалистической России добиться не удастся. В многонациональном государстве социальная солидарность в первую очередь зависит от национальной и межнациональной солидарности. Командиром нашего корпуса был грузинский генерал Чанчибадзе. Иго не любили в войсках. Но причина не в том, что он был грузином, а в том, что он был самодуром (перед строем солдат он мог ударить командира дивизии).

Иллюстрацией национальной солидарности в бою может служить мой родной 147-й гвардейский полк. Командир полка — белорус Прокопович. замполит — русский Земзулин. комбат 1-й — украинец Баланда, комбат 2-й — русский Анфиногенов, комбат 3-й — грузин Узнадзе, командир роты разведчиков — еврей Сирота, командир роты противотанковых ружей — калмык (забыл фамилию). Так было в любом полку. Однако в разгар борьбы с фашизмом наше сталинское руководство депортировало малые народы — немцев Поволжья, татар, ингушей, чеченцев. Тем не менее берусь утверждать, что во время войны социальное единство основывалось на межнациональных корнях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стенографический отчет XVII съезда ВКП(б). М.: Политиздат. 1934 С. 226.